

Токманов В.Н.

К вопросу о военных правомочиях консулов в публичном праве архаического Рима

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3362>]

[Публикация работы:]

Токманов В.Н. 2003: К вопросу о военных правомочиях консулов в публичном праве архаического Рима // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (12), 83-93.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

В. Н. ТОКМАКОВ*

К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ПРАВОМОЧИЯХ КОНСУЛОВ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ АРХАИЧЕСКОГО РИМА

Институт консулов занимал особое, центральное место в политико-правовой системе римского государства. Будучи верховными правителями, консулы осуществляли всю полноту исполнительной власти как гражданской, так и военной. Исследованию этого института посвящена обширная литература. Однако при определении места и роли консулата в системе римского публичного права романисты оперируют в основном чисто юридическими источниками и рассматривают этот институт таким, каким он сложился в период предклассического римского права, нередко оставляя без должного внимания тот длительный и тернистый путь, который прошел консулат на пути развития римского государства и права.

Но надо учесть, что с момента своего возникновения в 509 г. до н. э. коллегия консулов далеко не сразу заняла подобающее место в правовой системе римского государственного устройства и неоднократно видоизменялась как по функциям и прерогативам, так и по форме. Как известно, она возникла в виде института преторов как вождей войска¹. Цицерон (*Leg. III. 3. 8*) производит «претора» от *praeire* («идти впереди»), причем отличает его от судей (*iudices*). Точка зрения о первоначальном названии высшей магистратуры претурой поддерживается многими исследователями².

Связь преторов с военной организацией прослеживается достаточно отчетливо (*Cic. Orat. II. 105*)³. Она проявляется в названии частей лагеря *via praetoria*, *praetorium*, *porta praetoria*, *praetoria cohors* (*Sall. Cat. 50. 5*)⁴. В войске преторы были неограниченными военачальниками, обладая высшим империем, наделяющим их сакральной мощью, без права провокации (*Cic. Leg. III. 3. 6*). Их полномочия базировались только на традиции, толкуемой сенатом. Характерно, что Ливий приписывает плебейскому трибуну Терентилию Гарсе требование об учреждении коллегии из пяти человек для выработки законов по уменьшению власти консулов (преторов), чтобы она опиралась на закон, а не на

* Токмаков Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории римского права и европейских правовых систем Института всеобщей истории РАН, специалист в области истории военной организации Рима.

¹ *Gell. VI. 8. 3*; *Plin. NH. XLIII. 3. 12*; *Cic. Orat. II. 165*; *Fest. P. 249 L*; 174 L.

² См.: *Mazzarino S. Dalla monarchia allo stato repubblicano*. Catania, 1946; *Bernardi A. Dagli ausiliari del rex ai magistrati della respublica* // *Athenaeum*. N. S. 1952. Vol. 30. P. 17; *Heurgon J. Magistratures romaine et magistratures etrusques* // *Les origines de la republique romaine*. Genève, 1967. P. 97–125; *Palmer R. A. The Archaic Community of the Romans*. Cambridge, 1970. P. 215; *Staveley E. S. Greek and Roman Voting and Elections*. Ithaca (N. Y.), 1972. P. 125; *Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organization der frühromischer Zeit* // *ANRW. B.*; N. Y., 1972. Bd. II, T. 1. S. 163, 182; *De Martino F. Intorno all'origine della repubblica romana e delle magistrature* // *Ibid.* P. 221, 239; *Richard J.-Cl. Les origines de la plébe romaine: Essai sur la formation du dualisme patricio-plebein*. Rome, 1978. P. 470–472; *Musti D. Lotte sociali e storia delle magistrature* // *Storia di Roma*. Torino, 1988. T. 1. P. 374, 384; *Bleicken J. Geschichte der römischen Republik*. München, 1988. S. 27.

³ *Heurgon J. Magistratures romaine...* P. 104–112, esp. P. 125.

⁴ *Fest. P. 249L: Praetoria porta in castris appellantur, qua exercitus in proelium edicitur, quia initio praetores erant, qui nunc consules, et in bella administrabant, quorum tabernaculum quoque dicebatur praetorium*; P. 249L: *Praetoria cohors est dicta, quod a praetore non discedebat*.

произвол (*Liv.* III. 8–9; ср. *Aur. Vict.* XXI. 1)⁵. Не случайно страх подобного правового ограничения прерогатив преторов (консулов) толкнул патрициев на тайное убийство популярного трибуна.

После реформ Валерия и Горация в 449 г. до н. э. высшая магистратура оформилась как коллегия патрицианских консулов⁶. По словам Диона Кассия, именно после сецессии 449 г. до н. э. магистраты впервые были названы консулами (ὑπάτοι), а до того времени именовались преторами (στρατηγοί)⁷. Ливий также уточняет, что «в те времена консула принято было называть не судьей, но претором»⁸. При этом консулы стали более зависимы от центуриатных комиций, чем от сената⁹. Необходимо отметить в консулате существенный шаг по внедрению принципа коллегиальности и равноправности, что проявилось уже в смене их названия (consules от «совещаться»)¹⁰. Возможно, именно с этого времени они приобретают право на собственных ликторов и на отмеченное еще Т. Моммзенем вмешательство в распоряжения друг друга (право интерцессии)¹¹. Затем коллегия подверглась ревизии в период сосуществования с консулярным трибуналом. Консулы утратили ряд своих прерогатив, в частности право проведения ценза в 442 г., а с 366 г. – и судебных функций, но сохранили свое значение полновластных военачальников. И наконец, после ожесточенной политической борьбы с 367 г. до н. э. консулат прочно вошел в систему государственного управления как правовой общегражданский институт¹².

⁵ *Liv.* III. 9. 2–5: Is consulibus absentibus ratus locum tribunicii actionibus datum, ... maxime in consulare imperium tamquam nimium nec tolerabile liberae civitati invehebatur. Nomine enim tantum minus invidiosum, re ipsa prope atrocius quam regium esse: quippe duos pro uno dominos acceptos, immoderata, infinita potestate, qui soluti atque effrenati ipsi omnis metus legum omniaque supplicia verterent in plebem. Quae ne aeterna illis licentia sit, legem se promulgaturum, ut quinque viri creentur legibus de imperio consulari scribendis. Quod populus in se ius dederit, eo consulem usurum; non ipsos libidinem ac licentiam suam pro lege habituros. (Сочтя, что в отсутствие консулов трибуна открыт путь к действиям, ... особенно ополчился он против консульского империя, который объявлял ненужным и нетерпимым в свободной общине. Само-то имя не вызывает ненависти, но, по существу, она страшней даже царской; ведь вместо одного владыки здесь – двое, и власть (potestas) их безгранична и безмерна: своевольные и необузданные, они карами внушают плебам страх перед законом. Так вот, чтобы не простирать это владычество на вечные времена, он предлагает принять закон об избрании пяти уполномоченных для составления законов о консульской власти (imperium), согласно которым консулы пользовались бы лишь теми правами, какими наделит их народ, и не считали бы законом собственные прихоти и произвол.)

⁶ Bernardi A. Le XII Tavole: i contenuti legislativo // *Storia di Roma*. P. 425.

⁷ *Dio Cass.* VII. 19: ... πρῶτον ὑπάτους αὐτοὺς προσαγορεύειναι, στρατηγούς καλούμενους τὸ πρότερον. См. также: *Heurgon J. Magistratures romaine*... P. 125 (о связи претора с греч. термином στρατηγός).

⁸ *Liv.* III. 55. 11–12: Fui qui interpretarentur, eadem hac Horatia lege consulibus quoque et praetoribus, quia eisdem auspiciis quibus consules crearentur, cautum esse: iudicem enim consulem appellari. (12) Quae refellitur interpretatio, quod iis temporibus nondum consulem iudicem, sed praetorem appellari mos fuerit. (Были и такие, кто толковал закон Горация в том смысле, что он обеспечивает безопасность также и консулов, и преторов, которых выбирают с соблюдением тех же ауспиций, что и консулов; (12) а консул, мол, назывался также и судьей. Это толкование следует, однако, отвергнуть на том основании, что в те времена консула принято было называть не судьей, а претором.) (Пер. Г. Ч. Гусейнова). Ср.: *Gell.* XX. 1. 7.

⁹ См.: *Токмаков В. Н.* Римский сенат и центуриатная военная организация в период ранней Республики (V–IV вв. до н. э.) // *ВДИ*. 1994. № 3. С. 41 и след.

¹⁰ См., например: *Heurgon J. Magistratures romaine*... P. 122 ff.; *Musti D. Lotte sociali*... P. 375. О коллегиальности консулов и различиях в ауспициях консулов и преторов (судебных) см. подробнее: *Linderski J. The Auspices and the Struggle of the Orders* // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik*. Stuttgart, 1990. S. 44–48; *Giovanini A. Magistratur und Folk* // *Ibid.* S. 429–434.

¹¹ *Моммзен Т.* История Рима. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 234, 235.

¹² *Cassola F.* Lo scontro fra patrizi e plebei e la formazione della «nobilitas» // *Storia di Roma*. P. 451–481; *Musti D. Lotte sociali*... P. 374; *Mazzarino S.* Dalla monarchia... P. 86 sg., 117 sg.

Задачей статьи является уточнение складывания полномочий консулов в архаический период именно в военной сфере, чтобы определить их роль и место в публично-правовых отношениях римского общества периода генезиса государства. И прежде всего следует ответить на вопрос: являлись ли консулы верховными командующими и распорядителями воинских сил раннеримской общины? Для этого обратимся к анализу конкретных сведений античных авторов-историков, а не только юристов.

Первым объемную характеристику прерогатив консулов дал, как известно, во II в. до н. э. Полибий: «Консулы, пока не выступают в поход с легионами и остаются в Риме, вершат все государственные дела; ибо все прочие магистраты, за исключением плебейских трибунов, находятся в подчинении у них и покорности; они также вводят посольства в сенат. Кроме того, консулы докладывают сенату дела, требующие обсуждения, и блюдают за исполнением состоявшихся постановлений. Ведению консулов подлежат и все государственные дела, подлежащие решению народа: они созывают народные собрания, вносят предложения, они же исполняют постановления большинства. Далее, они имеют почти неограниченную власть во всем, что касается приготовлений к войне и вообще военных походов, ибо они властны требовать по своему усмотрению войска от союзников, назначать военных трибунов, производить набор солдат и выбирать годных к военной службе. Кроме того, они властны подвергнуть наказанию всякого, кого бы ни пожелали, из подчиненных им в военном лагере. Они вправе расходовать государственные деньги, сколько угодно, так как за ними следует квестор, готовый исполнить каждое их требование. Поэтому всякий, кто обратит свой взор только на эту власть, вправе будет назвать римское государство истинной монархией или царством» (*Polyb.* VI. 12).

Таким образом, консулы, в трактовке Полибия, совмещали в себе распорядительную и исполнительную власти, что позволяло им, не обладая напрямую законодательной властью, оказывать существенное влияние на формирование римской внутренней и внешней политики. Это и давало основание античным авторам постоянно сравнивать власть консулов с царской. Однако из описания Полибия следует выделить обязанность консулов докладывать сенату о важнейших делах, в первую очередь военных, и безусловно исполнять постановления сената и решения народного собрания. Иначе говоря, власть консулов являлась опосредованной сенатом и комициями. Не случайно Варрон замечает, что консул приказывал «через центуриатные комиции» (*propter centuriata comita imperare solent*) (VI. 93).

К числу других правовых ограничений консульской власти относятся интерцессия плебейских трибунов (*Pompon.* D. 1. 2. 2. 3) и право провокации (*Liv.* III. 55. 4–6), которые суживали консульскую компетенцию¹³. Заметим, правда, что во время военной кампании вне Города они не действовали. По словам Цицерона, «в походе да не будет провокации на решение того, кто будет облечен империем» (*Cic. Leg.* III. 3. 6). И здесь мы видим кардинальную особенность римского правового менталитета – основой власти консулов выступает не правовая норма (*ius*). Интересно, что мы не находим в источниках (ни у Ливия и Дионисия Галикарнасского, ни у Луция Цинция или Феста) сколько-нибудь четкого специального законодательного определения сферы компетенции и полномочий консулов, кроме упоминания об учреждении магистратуры с установлением Республики (*Liv.* I. 60. 4; *Dionys.* IV. 84. 3–4)¹⁴ и восстановлении ее *cum provocazione* в

¹³ *De Martino F.* La costituzione della città-stato // *Storia di Roma*. P. 360; *Idem.* Intorno... P. 245; *Lintott A. W.* Provocatio. From the Struggle of the Orders to the Principate // *ANRW*. B.; N. Y., 1972. Vol. I, Bd. 2. P. 226, 240; *Heurgon J.* Magistratures romaine... P. 124. Подробнее о праве провокации и введении полномочий консулов в юридические рамки (*ius*) см. ст.: *Кофанов Л. Л.* *Lex Valeria de provocatione* 509 г. до н. э. и начало разделения римского права на публичное и частное // *Древнее право = Jus antiquum*. 2001. № 1 (8). С. 31–36.

¹⁴ Попытка Дитера Флаха на основании упоминания Тацитом о переходе права избрания квесторов от консулов к народному собранию в 446 г. до н. э. (*Tac. Ann.* XI. 22. 4) реконструировать некий *Lex Tarquinia de potestate consulum* от 509 г. до н. э. (*Flach D.* *Die Gesetze der frühen römischen Republik*. Darmstadt, 1994. S. 56–57) совершенно несостоятельна, ибо речь идет только о возобновлении Брутом (а не Тарквинием) куриатского закона времен царей об учреждении квесторов.

449 г. (Liv. III. 54. 15; 55. 5). На деле вся их власть и правомочия имели истоком сакральный империй¹⁵, лежащий в русле божественного права (fas).

Империй можно трактовать как магическую силу, которая передается специальным *lex curiata de imperio* от богов вождю (царю, а затем консулу), чтобы с ее помощью вести народ к благополучию, а войско к победе. Только божественная воля (хотя и оформленная куриатным законом – клятвой), а не юридические нормы гражданского коллектива, давала магистрату в архаическом Риме право отдавать приказы (*imperare*), требовать их исполнения и наказывать за неподчинение вплоть до смертной казни. Причем сложился империй (как, впрочем, и основной круг компетенции правителя) еще в эпоху царей как важнейший элемент сакрально-родового права¹⁶.

После свержения царей изменилась форма правления и содержание *potestas* магистратов, но не суть и качество империя, так как выборные магистраты по-прежнему оставались прежде всего военачальниками. Ограничения касались не сути империя, а срока его исполнения – одним годом, а впоследствии – и коллегиальностью и взаимной интерцессией¹⁷. Однако еще Валерием Публиколой был принят закон о наказании за неповиновение консулам¹⁸. И хотя он подтверждал полновластие консулов, его можно считать первым шагом на пути введения магистратуры в законодательные рамки *ius*. (Недаром Плутарх отмечал, что он был более выгоден плебейам, нежели влиятельным патрициям – потенциальным консулам.)

Если суммировать разрозненные данные источников, высший, изначально военный империй включал следующие права: производить набор войска, назначать военных командиров, распоряжаться жизнью и смертью воинов, вести военные действия, заключать перемирие, распределять военную добычу и получать триумф, а также совершать военные ауспиции (*ius auspicandi*), знамения которых он был обязан безукоризненно исполнять. Фактически военное командование консула осуществлялось согласно божественной воле, посредником и реализатором которой выступал консул. Взгляд на империй как на аналог христианской благодати при возведении священника в сан позволяет лучше понять суть неотъемлемого для военного империя права военачальника распоряжаться жизнью воинов (*coercitio et iudicatio*: Cic. Leg. III. 3. 6. 8; Liv. II. 18. 8; III. 20. 8; D. I. 2. 18)¹⁹. Причем проистекло это право не столько из юридических норм государства и правил воинской дисциплины, сколько из сакральных основ империя. Поэтому наказание целиком зависело от усмотрения консула и находило крайнее выражение в децимациях. Известные нам децимации периода архаики предстают скорее сакральным ритуалом очистительного жертвоприношения, нежели правовым актом. Лишь со временем этот произвол был оформлен в публичном праве, в частности, как право вызова провинившегося (*ius vocationis*) и право ареста (*ius prensionis*).

¹⁵ Alföldi A. Zur Struktur des Römerstaates im 5. Jahrhundert V. Chr. // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 13: Les origines de la République romaine. Vandoeuves; Gênevè, 1967. P. 261–266; De Martino F. La costituzione... P. 358; Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // ANRW. B.; N. Y., 1972. Vol. I, Bd. 2. S. 8–12.

¹⁶ См. подробнее: Токмаков В. Н. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме ранней Республики // ВДИ. 1997. № 1. С. 47 и след.

¹⁷ Ср. об интерцессии: Ussani V. S. Appunti di storia del diritto Romano: Le origini, la monarchia, la repubblica. Torino, 1996. P. 69 sg.; ср. Heurgon J. Magistratures romaine... P. 124.

¹⁸ См.: Plut. Popl. 11. 4: 'Ο δὲ γραφεὶς κατὰ τῶν ἀπειθούντων τοῖς ὑπάτοις οὐχ ἥττον ἔδοξε δημοτικὸς εἶναι καὶ πρὸς τῶν πολλῶν μᾶλλον ἢ δυνατῶν γεγράφαι. Ζημίαν γὰρ ἀπειθείας ἔταξεβοῶν πέντε καὶ δύο ἐν προβάτων ἀξίαν. (Закон, карающий за неповиновение консулам, также казался направленным на пользу скорее простого люда, нежели могущественных граждан. На ослушника налагался штраф в пять коров и две овцы.) Ср.: Dionis. X. 50. 1. Д. Флах пытается реконструировать на основании этих сообщений особый закон: Lex Valeria de multae dictione si quis consulibus non oboedivisset. См.: Flach D. Op. cit. S. 67. Но в римских источниках такая формулировка отсутствует.

¹⁹ Kunkel W. Magistratische Gewalt... S. 8 u. folg.; Bernardi A. Le XII Tavole. P. 422; Alföldi A. Zur Struktur... S. 274.

Однако правовые реалии формирующегося государства в V–III вв. до н. э. накладывали свои коррективы на практику применения консулами правомочий своего империя. Прежде всего возникает вопрос: имел ли консул право объявлять войну по своему усмотрению? Наиболее стандартным является описание Ливия: «...Тит Квинкий (465 г.) созвал сенат, с его одобрения приостановил рассмотрение судебных дел, оставил Рим на попечение Квинта Сервилия и выступил на защиту римских границ...» (III. 3. 6). Нет, консулу, конечно, принадлежало право созывать сенат (*ius senatus habendi*), в том числе в случае угрозы нападения противника (*Liv.* III. 30. 3; *Dionys.* VI. 23. 3; *Cic. Leg.* III. 4. 10), и выступать с инициативой войны (*ius edicendi* и *ius referendi*), но решение об объявлении войны и военные приготовления (например, закрытие судов) производились только с одобрения сената (*ex auctoritate patrum, ex senatus consulto* – *Liv.* VIII. 6. 5–8)²⁰, а с середины V в. в ряде случаев – и центуриатных комиций (*iussu populi*)²¹. Не составляли исключения и войны, не законченные в ходе одной кампании. Соглашения центурий для них не требовалось, но сенат обязательно давал соответствующий сенатусконсульт новым консулам (*Liv.* IV. 11. 3)²². Процедура же объявления *bellum iustum* находилась целиком в компетенции фециалов в соответствии с *ius fetiale*.

Одним из важнейших правомочий консулов было руководство набором воинских сил, о чем говорил Полибий. Однако возникает вопрос: кому принадлежала инициатива в проведении набора? Обратимся к пассажу Ливия. В 494 г. плебс, невзирая на угрозы консулов, противился набору. Когда консулы сообщили сенату о недовольстве плебеев, сенаторы сделали им строгое внушение, что «в деле, которое подвластно консулам, ненависть к себе (к консулам) они перекладывают на сенат». Но здесь же оговаривается, что консулы должны действовать по воле сената, который в конечном счете решает как можно строже провести набор (*Liv.* II. 27. 12; 28. 2–5). Отсюда можно сделать двойной вывод. С одной стороны, пассаж Ливия подтверждает положение Полибия. С другой стороны, мы видим, что окончательное решение или одобрение действий консулов принадлежит сенату. Сенат же, не имея четко выраженных правовых прерогатив и опираясь исключительно на *auctoritas patrum*²³, остается как бы в тени, но юридически санкционирует процедуру набора.

Множество аналогичных сообщений традиции не дают нам оснований предполагать самостоятельность и независимость консулов в проведении воинского набора. Правда, именно они, согласно Ливию, Дионисию Галикарнасскому, Полибию и др., издают специальный эдикт с объявлением дня набора и величины призывного контингента²⁴, а эдикт оглашается на *contio* (*Liv.* III. 69. 6; XXII. 11. 3). Но самостоятельно консулы имели право на набор только стандартных *exercitus consulares*²⁵, дополнительное же число или дополнительный набор определялись санкцией сената. Например, под 350 г. Ливий сообщает, что консул-плебей Марк Попилий Ленат, «не мешкая, произвел набор и... составил для себя четыре полных легиона (*expletes legions* – *Liv.* VII. 23. 3), т. е. стандартных. Но тут же он предложил отцам-сенаторам собрать другое войско для защиты города от нечаянностей войны (*Liv.* 23. 4). Добавим, однако, что набор консул произвел только после того, как война была ему поручена вне очереди сенатом (*Liv.* 23. 2).

Консулы же (до III в. до н. э.) сами проводят набор, выкликая имена призывников со специального трибунала (*Liv.* II. 28. 6), и назначают день сбора войска на смотр и люстрацию. Но и в этом они встречали противодействие, особенно со стороны плебейских

²⁰ Подробнее см.: Токмаков В. Н. Римский сенат... С. 35 и след.

²¹ См. подробнее о роли центуриатных комиций в процедуре объявления войны: Токмаков В. Н. Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима Ранней республики // ВДИ. 2002. № 2. С. 154 и след.

²² См., например: Alföldi A. Zur Struktur... S. 261 ff.; Kunkel W. Magistratische Gewalt... S. 15.

²³ Cassola F. Lo scontro... P. 459; De Martino F. La costituzione... P. 360.

²⁴ Polyb. VI. 19. 5; Liv. II. 28. 8; 39. 9; III. 8. 7; 15. 8; IV. 26. 3; Dionys. V. 14. 1; VI. 23. 2; VIII. 87. 5; Val. Max. VI. 3. 4.

²⁵ См.: Скрипичев Е. А. К постановке проблем военного права Древнего Рима // Тр. Военно-юридической Академии Советской Армии. 1949. Т. X. С. 162.

трибунов. Так, в 461 г. во время противоборства по поводу рогации Терентия Гарсы консулы расставили на краю Форума кресла и начали набор, но трибуны запрещали вызывать военнообязанных и силой вырывали из рук ликторов тех, чьи имена выкликали консулы (*Liv.* III. 11. 1–2).

Таким образом, традиция не дает нам оснований предполагать самостоятельность и независимость консулов в проведении набора. Иными словами, они действовали как полновластные военачальники лишь в решении технических вопросов определения величины комплектуемого войска на основе цензовых списков и заведенного порядка, но только в рамках стандартных воинских контингентов, а также в случае продолжения начатой предшественниками войны, ибо в данном случае действовал первоначальный сенатусконсульт, переходящий на новых консулов.

Нельзя не отметить, что нередко сенат полностью перекладывал на консулов ответственность и правомочия. По сообщению Ливия (III. 4. 9), в 464 г. сенаторы «поручили консулу Постумию следить, чтобы государство не потерпело ущерба» (*negotium daretur, ...ne quid res publica detrimenti caperet*). Однако известно, что впервые такая правовая формула *senatusconsultum ultimum*²⁶ была применена только в 121 г. до н. э. при подавлении движения Гая Гракха (*Cic.* Cat. I. 4; *Pro Milon.* 70; *Pro Rabir.* 20). Последующие случаи аналогичного правоприменения касались исключительно внутривнутриполитической борьбы, а не внешней опасности. Поэтому данную инвективу следует считать анахронизмом, тем более что в Ранней республике для подобных ситуаций практиковалось назначение диктаторов²⁷. Кроме того, употребление Ливием в следующем же абзаце слов: «Самого консула (Постумия) сочли необходимым оставить в Риме для проведения набора всех, кто только способен носить оружие, а вместо него отправить в лагерь подкрепление союзников под началом Тита Квинкция» (*Liv.* III. 4. 10), – не только реально противоречит предыдущему заявлению, но и подтверждает, что сенат распоряжался также назначением командующих и их театров военных действий.

Особенно характерен в данном отношении пассаж о том, что сенат приказал закрыть суды и набрать войско не только из юниоров, но и из сениоров, а во главе поставить претора (*Liv.* X. 21. 3), хотя набор явно должны были проводить консулы. Не подрывает данный вывод и упоминание Дионисия, что сенат велел консулам позаботиться о безопасности, а те провели набор (*Dionys.* X. 43. 1), так как помимо вероятного использования латинской кальки оно подразумевает отмеченную выше практику поручений консулам проводить военные приготовления. Последнее подтверждает красноречивый контекст: после запрета плебейских трибунов на набор сенат постановляет, чтобы патриции вышли в поход со своими клиентами, причем грозит карами непокорным (*Dionys.* X. 43. 2–3).

Степень самостоятельности консулов в распоряжении войском видна и в способе определения провинций, или театров военных действий. У Ливия встречаем три способа: «по жребию» (*sortitos*)²⁸, «вне очереди» (*extra ordinem*) и по решению сената. Первый способ предполагает формальное равенство консулов. Впервые, согласно Плутарху, бросали жребий еще консулы 509 г. до н. э. Валерий и Гораций, кому освящать храм Юпитера, а кому выступать на войну с вейянами²⁹. Второй способ указывает на сущест-

²⁶ См., например: *Lintott A. W.* *Provocatio*... P. 260.

²⁷ См.: *Токмаков В. Н.* Цель и значение диктатуры в Раннеримской республике (V–IV вв. до н. э.) // Социальный структуры и социальная психология античного мира: Докл. конф. М., 1993. С. 108–115; ср. также: *Дементьева В. В.* Магистратура диктатора в Ранней римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996. С. 103–108, 111 и след.

²⁸ *Liv.* IV. 37. 6; 43. 1; V. 29. 5; VI. 22. 5; VII. 23. 1–2; X. 24; *Dionys.* X. 16. 2.

²⁹ См.: *Plut.* *Popl.* 14. 2; ср. *Liv.* II. 8. 6; *Dionys.* V. 35. 3. Однако учтем, что в данном случае речь идет не о разделе командования, а о споре за почетное право, что не дает основания считать этот принцип общеупотребительным до середины V в. до н. э., т. е. до учреждения собственно коллегии консулов. С другой стороны, Ливий замечает, что до консула-плебея 295 г. Публия Деция «все консулы получали область военных действий по жребию» (*sortitos*), а теперь вдруг сенат без жребия (*extra sortem*) поручает ведение войны Фабию (X. 24. 10). Однако конфликт Деция приобрета-

ование определенного порядка, очередности, а возможно, договоренности консулов между собой³⁰. Так, «вне очереди» (*extra ordinem*) ведение войны поручается Фабию в 466 г. (*Liv.* III. 2. 2), Фурию Камиллу в 382 г. (*Liv.* VI. 22. 6) и Попилию в 350 г. из-за болезни второго консула, который, вероятно, должен был отправиться на войну (*Liv.* VII. 23. 2). Сам термин не исключает как жребия (III. 57. 9; VII. 19), так и добровольного подчинения одного консула другому (II. 70. 1). Однако необходимо отметить, что разделение провинций не означало раздробления империя, так как каждый консул в своем войске был единственным представителем *civitas*. Третий способ распределения провинций показывает, что верховным арбитром оставался сенат.

Традиция рисует картину полновластия консулов в войске во время войны. Как известно, за померием прекращалось право провокации и защиты плебейских трибунов³¹. Воины давали клятву лично консулу (*sacramentum* – *Liv.* II. 32. 1–2; *Dionys.* X. 18; XI. 43), а точнее, сакральным обетом вручали свои жизни высшей власти его империя. Тем самым они становились как бы его клиентами, утрачивая гражданские права³². Консул силой данного ему империя мог приговорить воина к смерти (право *coercitio et iudicatio* – *Polyb.* I. 25; 36; 37; 41; VI. 12. 7; *Cic.* Leg. III. 3. 6, 8; *Liv.* II. 18. 8; III. 20. 8; D. I. 2. 18), провести децимацию или казнить бежавших из строя³³. Однако было бы неверным преувеличивать власть консулов даже в войске. В своем командовании они обязаны были давать отчет сенату по возвращении из похода (*Liv.* III. 63. 6; *Polyb.* VI. 15. 10). Сенат же определял, достоин ли консул триумфа. Хотя замечание Ливия о требовании консулом положенного ему триумфа (III. 9. 5; 10. 2–4) обнаруживает существование закрепленного в обычном праве некоего минимума заслуг, которые влекли за собой присуждение триумфа³⁴. С другой стороны, консул рисковал подвергнуться судебному преследованию за жестокость или бездарность командования, несправедливое разделение добычи,

ет скорее характер столкновения консула-плебея, поддержанного плебсом, и патрицианского сената, желающего сохранить военное командование в руках патрициев (*Ibid.* 24. 3). Тогда же впервые эта правовая коллизия разрешается в народном собрании, на чем настаивает Деций, явно желая создать юридический прецедент.

См.: *Liv.* X. 24. 15–16: ...*si nihil aliud ex eo certamine tulerit, illud certe laturum, ut, quod populi sit, populus iubeat potius, quam patres gratificentur. Iovem optimum maximum deosque immortales se precari, ut ita sortem aequam sibi cum collega dent, si eandem virtutem felicitatemque in bello administrando daturi sint.* (...и даже если ничего не выйдет из этого сопротивления, одного он (Деций) добьется: чтобы народные полномочия были во власти народа, а не в милости сената. Он молит Юпитера Всеблагого Величайшего и бессмертных богов дать ему с товарищем по консульству равный жребий, т. е. равную доблесть и счастье в ведении войны.) Как видим, даже пропатрициански настроенный Ливий вынужден следовать своим источникам, являющим нам весь накал политической и прежде всего правовой коллизии относительно введения правомочий консулов в действительно юридические рамки закона и утверждения правового суверенитета народного собрания. Не раз уже нам приходилось отмечать что именно плебеи и их вожди (плебейские трибуны и консулы-плебеи) последовательно и наиболее ревностно выступали за демократизацию римской конституции и утверждение верховенства права (*ius*) над архаическими обычаями и *mores maiorum*, следемыми сенатом.

³⁰ См., например: *Liv.* III. 3. 6; 10. 9; 22. 3; 57. 9; 70. 1; VIII. 22; IX. 12; 37; 38; 41; X. 12; 14. 1–2 etc.

³¹ См.: *Liv.* III. 20. 7: *omnis id insueros quod consules vellent, neque enim provocationem esse longius ab urbe mille passuum, et tribunos, si eo veniant, in alla turba Quiritium subiectos fore consulari imperio.* (Люди, конечно, примут то, что велют консулы, ведь и право обжалования не распространяется далее, чем на милю от Города, и сами трибуны, приди они туда в толпе сограждан, должны будут подчиниться власти консулов.) Ср.: *Cic.* Leg. III. 3. 6: «В походе да не будет провокации на решение того, кто будет обложен империем, и все, что повелит тот, кто будет вести войну, да будет законным и обязательным».

³² Подробнее см.: Токмаков В. Н. Сакральные аспекты... С. 46 и след. Ср.: Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 111.

³³ *Liv.* II. 59. 9–11; IV. 50. 4–5; V. 19. 4; *Dionys.* IX. 50. 6–7; *Frontin.* IV. I. 33, 39. Подробнее см.: Токмаков В. Н. Сакральные аспекты... С. 49.

³⁴ *Alföldi A.* Zur Struktur... S. 262.

но только после сложения им своих инсигний и империя, защищавшего его от суда³⁵. Характерно, что консул мог быть вызван в суд как плебейским трибуном (*Liv.* II. 52. 6; V. 32. 7–9), так и плебейским эдилом (*Ibid.* III. 21. 5) или даже, по некоторым данным, квестором (*Dionys.* IX. 51. 2; *Cic. Resp.* II. 35. 60). Источники не позволяют определенно ответить на вопрос, держал ли консул отчет перед центуриатным собранием в своей деятельности, но участие его, как и позднее трибунного, в определении меры наказания бывшим магистратам несомненно. Также впервые в 449 г. до н. э. триумф был присужден центуриатным собранием (*Liv.* III. 63. 9–11).

Наконец, правомочия полководца в архаическом Риме были ограничены поведением самого войска, активно выражавшего свои симпатии и антипатии. Так, нередко консулы оказывались не в силах запретить тайные (и даже открытые) сходки воинов в лагере (*Liv.* II. 58. 8). Войско могло ненавидеть своих полководцев и проявлять это в открытом неповиновении, в нарочито плохом исполнении приказов (даже ценой собственного разгрома врагом) (*Ibid.* II. 44. 11), в отправке к консулу своих представителей с изложением требований (45. 6), наконец, в отказах вступать в бой и даже в оставлении боевых порядков и бегстве в лагерь³⁶ – и это невзирая на смертную кару согласно присяге *sacramentum*! Несомненно, здесь мы видим проявление неразвитости правовых принципов взаимоотношений воинов и консула. Воины смотрели на него, как на своего патрона (*Liv.* III. 29. 3), взявшего на себя покровительство над ними и обязательство беречь их и содействовать их обогащению за счет добычи (*Ibid.* 2–12). В случае нарушения полководцем этих своего рода обязательств воины считали себя вправе реагировать неповиновением разрушителю контракта. Тем более что плохое командование рассматривалось как неправильное исполнение воли богов и неверное истолкование ауспий, что ставило военачальника в положение святотатца и требовало немедленного искупления. Однако с конца V в. до н. э. взаимоотношения консулов и воинов постепенно начинают строиться на юридических принципах. Это проявлялось в упорядочении процедуры набора и оформлении номенклатуры наказаний за воинские преступления, в том числе за уклонение от призыва. Определяется также система поощрений воинов.

Военный империй обеспечивал свободу действий консулам во время войны. Они были свободны в выборе места сражения, тактики и т. д. Однако ни один шаг не мог быть совершен без ауспий. Кроме того, источники демонстрируют характерную зависимость действий военачальника от настроения и желания воинов. Так, консул Фабий в 80-х гг. V в. специально задерживал начало сражения, выжидая удобный момент. Но воины рвались в битву в надежде на добычу и настоятельно торопили консула, даже приходя толпой к его палатке и заявляя, что могут без приказа взяться за оружие. Так что Фабий вынужден был уступить (*Liv.* II. 31. 5–6; 65. 3; III. 62. 3; V. 28. 7–9).

Обращает на себя внимание, что вопреки убеждению поздних авторов и юристов во время диктатуры консулы не слагали свои полномочия, а продолжали исполнять обязанности и даже командовать войсками либо под руководством диктатора как его легаты с *imperium minoris* (*Liv.* II. 19–20; III. 29. 2–3; IV. 29. 4; 41. 11), либо во главе собственных консульских войск (*Liv.* IX. 40. 18–20). Это объясняется тем, что, передав диктатору высший империй, консулы сохраняли свою *potestas*³⁷.

Как мы помним из Полибия, консулы обладали правом назначать себе помощников, например, *praefectus urbi* (*Liv.* I. 59. 11; III. 3. 6; 9. 6; *Tac. Ann.* VI. 11), а также центурионов (*Dionys.* X. 16. 1). Впрочем, на практике центурионы нередко избирались собственными центуриями (*Liv.* III. 5), а попытка консулов записать Публилия Волерона рядовым вместо положенной должности центуриона вызвала протест с его стороны (*Liv.* II. 55. 4). Ограничены были консулы и в назначении квесторов (Тацит упоминает о возобновлении Брутом куриатного закона по этому поводу – *Tac. Ann.* XI. 22. 4; *Ulp. D.* 1. 13. 1).

³⁵ *Liv.* II. 52. 3–8; 54. 3; III. 13. 7–10; 31. 5–6; 56. 1–12; IV. 41. 10; 44. 10; V. 26. 8; 32. 7–9; *Dionys.* IX. 27. 2; 46. 4; 48. 2–3; 49. 1–5; XIII. 5. 1; XVIII. 5. 4.

³⁶ *Liv.* II. 43–44; 58–59; III. 17. 1; 42. 2; 66. 3; IV. 43. 7; VII. 12–14; *Dionys.* IX. 3. 4–5; 4. 1; 8. 3; 50.

³⁷ *Giovannini A.* Magistratur und Volk. S. 431; *Cassola F.* Lo scontro... P. 461.

Имеющиеся данные говорят об избрании или одобрении квесторов (по меньшей мере двух) центуриатными комициями уже по закону Валерия Попликолы (*Plut. Popl. 12. 2*)³⁸. Согласно Ливию, часть военных трибунов (руфулов) первоначально назначалась консулами, но уже в V в. до н. э. другую их часть стали избирать в комициях, а с IV в. все военные трибуны проводились через голосование комиций (*Liv. IX. 30. 3*). Таким образом, консулы опять-таки не обладали исключительными полномочиями назначать себе помощников и войску командиров.

Согласно Полибию (I. 49. 5; 11; 29. 8; ср.: *Dionys. X. 25. 1*), консулы обязаны были отдавать часть добычи в казну, а часть распределять среди воинов подушно или по центуриям³⁹. Но это для II в. до н. э., а в архаическом Риме консул мог либо пожаловать ее всю воинам, либо просто отдать им город на разграбление⁴⁰. Причем нередко такая акция предпринималась для завоевания расположения или усмирения воинов. Со второй половины V и в IV в. до н. э. постепенно утверждается практика передачи добычи квесторам для продажи с торгов или доставки ее в государственную казну (эрарий). Это косвенно свидетельствует о правовом упорядочении деятельности военной организации, введении ее в строгие законодательные рамки и о превращении войска из общинного ополчения под началом военного вождя в элемент государственного механизма, который регулируется правовыми рамками.

Наконец, следует выделить полномочия консулов в процедуре заключения мира. Участие консула просматривается в том, что обычно именно он вводил или направлял вражеских послов в сенат, несомненно имея с ними предварительные договоренности. В остальных случаях консулы имели право заключать только предварительный мир (*sponsio*), т. е. клятвенное обещание с ручательством консула об одобрении его сенатом и народом (*Liv. IX. 5. 1–2*; *X. 46. 12*). Так, после поражения в Кавдинском ущелье консулы ссылались на то, что «без веления народа договор заключить невозможно, так же как без фециалов и без прочих торжественных священнодействий» (*Liv. IX. 5. 1–2*). Если консул смел сам заключить мир, это считалось превышением его полномочий и влекло гнев и кары со стороны сената (*Liv. III. 63. 6–7*). Известный случай с выдачей самнитам после Кавдия консулов Ветурия и Постумия римскими авторами оправдывался тем, что мир был ими подписан лишь предварительно, а с сенатом и народом переговоров о мире еще не было, следовательно, они ни за что не ручались (*Liv. IX. 9. 16–18*; *Cic. De off. III. 30. 109*).

Напротив, источники особо отмечают «добродетельное поведение Марка Фурия Камилла, который по всем вопросам войны и мира совещался с сенатом и следовал его указаниям, а послов с просьбами о мире отсылал в Рим, в сенат» (*Liv. V. 15. 8*; *19. 5*; *20. 2–10*; *50. 8*; *VI. 25. 2*). Например, прибывшие в лагерь Камилла послы из Фалерий были отправлены им в Рим, причем полководец заслужил особое благорасположение сената, который в ответ предоставил Камиллу право окончательного решения вопроса о мире (*Liv. V. 27. 10–15*; *Plut. Cam. 10*). Дионисий передает аналогичный эпизод с Ларцием (начало V в. до н. э.), который, заняв город, не сделал ничего по своей ответственности, но возвратился в Рим и, созвав сенат, передал ему право решать судьбу сдавшегося врага. Сенаторы в восторге от такого уважения оставили право решения консулу, дав ему полномочия делать все по своему усмотрению (*Dionys. V. 60. 2–3*). Хотя данный эпизод носит оттенок морализаторства о временах гражданской гармонии, достоверность отражения в нем принципов взаимоотношений консулов и сената не вызывает сомнения и подтверждается сообщением о заключении мира с вольсками Спурием Кассием, текст которого был выбит на бронзовой колонне (*Liv. II. 33. 9*). Так же консул 465 г. Квинт

³⁸ См. также комментарий: *Flach D. Op. cit. S. 68 ff.*

³⁹ *Liv. II. 25. 5*; *III. 3. 7*; *8. 11*; *IV. 34. 2*; *59. 8–10*; *V. 16. 7*; *60. 3*; *VII. 16. 3*; *17. 5*; *19. 4*; *27. 8*; *37. 17*; *Dionys. V. 60. 3*; *VI. 29. 4–5*; *30. 2*; *IX. 35. 3*; *55. 1–2*; *X. 21. 3*; *XI. 48. 3*; *Diod. XII. 64. 2*; *Plut. Marc. 13. 20*.

⁴⁰ *Liv. IV. 32. 8*; *47. 5*; *59. 8*; *V. 16. 5*; *VII. 16. 3*; *Dionys. VI. 29. 5*; *30. 2*; *VII. 19. 4*; *VIII. 17. 6*; *IX. 55. 2*; *X. 21. 3–4*; *Diod. XII. 64. 2*; *Plut. Marc. 13*.

Фабий возвращается от эквов с миром (*pacem dederat*) и предлагает новый мир на своих условиях (*Liv. III. 2. 2–4*). Возможно, в первой половине V в. до н. э. прерогативы заключения мира еще не были полностью узурпированы сенатом, но в любом случае консул-претор получал полномочия на это именно от сената с повелением выступать в поход. Таким образом, и в этой части своей компетенции консулы были ограничены властью сената⁴¹.

Итак, проведенный обзор военных правомочий консулов в архаическом Риме позволяет заключить, что они осуществляли верховное командование, но не верховное распоряжение войском. Основой и источником их власти был идущий из глубин родового строя сакральный империй, а не правовые нормы гражданской общины, что порождало юридический зазор между их неограниченным и не определенным конкретным законодательством полновластием и практикой применения этого полновластия в условиях активного правового нормотворчества формирующегося государства. Характерно, что первым шагом стал символический акт ограничения империя суверенитетом народа и закона – путем склонения фасок консулов в народном собрании. Так, постепенно консулы были ограничены в своих прерогативах центуриатными (а затем трибутными) комициями, которые их избирали, в гражданской сфере Законами XII таблиц, а в военной – поведением собственного войска, а также правом интерцессии плебейских трибунов. Долгое время консулы находились на развилке между подотчетностью сенату и ответственностью перед гражданским коллективом. Правовая зависимость консулов от сената проявлялась в том, что сенат мог как минимум отказать консулу в триумфе, мог постановить выбирать вместо них консулярных трибунов, а мог и просто изъять у них империй, повелев назначить диктатора. Все это породило длительную борьбу, которая выходила далеко за рамки борьбы плебеев за доступ к консулату, хотя и была подспудной и не такой яркой. Это была борьба за превращение консулов из военных вождей в общегосударственных магистратов, за легитимизацию их коллегии в гражданской конституции и за правовую фиксацию их места в системе политического управления.

V. N. TOKMAKOV

SUL PROBLEMA DEI POTERI MILITARI DEI CONSOLI NEL DIRITTO PUBBLICO DELLA ROMA ANTICA

(RIASSUNTO)

Nell'articolo viene esaminata la formazione dei poteri dei consoli nel periodo arcaico nell'ambito del settore militare, con lo scopo di definirne l'importanza e il posto all'interno delle relazioni pubbliche giuridiche della società romana nel periodo di genesi dello stato. I consoli, secondo Polibio (*Polyb. VI. 12*) univano in sé il potere amministrativo ed esecutivo, il che permetteva loro, senza possedere un diretto potere legislativo, di influire seriamente sulla formazione della politica romana interna ed esterna. Il potere dei conso-

li subiva, tuttavia, una serie di limitazioni da parte del senato e dei comizi, dell'intercessione dei tribuni della plebe e del diritto di provocazione, che ne restringevano la competenza.

L'autore esamina anche diverse limitazioni delle competenze dei consoli. Così, la decisione di dichiarare la guerra ed i preparativi militari si effettuavano solo in seguito all'approvazione del senato (*senatusconsultum*), e dalla metà del V sec., in diversi casi, dei comizi centuriati (*iussu populi*). Una delle competenze più importanti dei

⁴¹ См., в частности: *Kunkel W. Magistratische Gewalt...* S. 18–21. См. также: *Токмаков В. Н. Римский сенат...* С. 39.

consoli fu il reclutamento delle forze militari, ma la deliberazione definitiva o l'approvazione delle azioni dei consoli rimaneva nelle mani del senato, il quale sanzionava la procedura di reclutamento.

I consoli non avevano poteri esclusivi per nominare i propri aiutanti, o i comandanti dell'esercito. Per di più i poteri del Capo militare stesso erano limitati dal comportamento dell'esercito. I militi lo consideravano come il patrono che avesse assunto il compito di proteggerli e l'obbligo di curarli, contribuendo anche al loro arricchimento mediante il bottino di guerra. Nel caso di suo inadempimento a questo singolare obbligo, i militi si prendevano il diritto di disubbidire al trasgressore del contratto. Però, dalla fine del V sec. a. C. i rapporti tra i consoli e i militi cominciano a basarsi su principi giuridici. Questo si manifesta nella regolazione della procedura di reclutamento e nella definizione della nomenclatura di punizioni per delitti militari, ivi compresa anche la renitenza alla leva. Si forma anche il sistema di incentivi per i militi.

I consoli dovevano dare una parte del bottino ai questori per la consegna all'erario, distribuendo il resto tra i militi pro capite, oppure tra le centurie. Questo dimostra la regolamentazione giuridica dell'attività dell'organizzazione militare, l'introduzione di limiti legislativi e la trasformazione dell'esercito dalla milizia comunitaria guidata

dal Capo militare in un elemento del meccanismo statale regolabile dal diritto.

L'esame dei poteri dei consoli nella Roma arcaica permette all'autore di concludere che loro, effettuando il supremo comando dell'esercito, non ne effettuavano tuttavia la suprema amministrazione dello stesso. Il loro potere aveva come base e fonte l'*imperium* sacrale proveniente dalle profondità dell'organizzazione tribale e non le norme di diritto della comunità civile. Da qui nasceva il legame tra il loro potere assoluto, illimitato e non definito da una legislazione concreta, e la prassi di applicazione del detto potere assoluto nelle condizioni dell'attiva elaborazione delle norme di uno stato che si stava formando. Per lungo tempo i consoli si sono trovati al bivio tra la propria subordinazione al senato e la responsabilità nei riguardi al collettivo civile. Giuridicamente i consoli dipendevano dal senato, il quale poteva chiedere loro il rendiconto del comando svolto, rifiutargli un trionfo, deliberare l'elezione dei tribuni consulari al loro posto, semplicemente togliere loro l'*imperium*, ordinando la nomina di un dittatore. Tutto ciò generava una lotta duratura, purché latente, che usciva ben lontano dai limiti della lotta dei plebei per l'accesso al consolato. Fu una lotta per trasformare i consoli da Capi militari in magistrati comuni statali, per legittimare il loro *collegium*, fissandone giuridicamente il posto nel sistema del governo politico.